

связи комплексный подход к выявлению системы лингвистических признаков, дифференцирующих коррупционное и провокативное речевое поведение, требует применения не только речеведческих и лингвистических знаний о дискурсе и его свойствах как объекте исследования, оцениваемых в их совокупности с криминалистических позиций, но и специальных экспертных компетенций, формируемых в целях приобретения экспертом-лингвистом знаний, навыков и умений, и главное тех, которые позволяют получать верифицируемые результаты лингвистического анализа.

1. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы производства судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М., 2011.
2. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста : учеб. пособие. М., 2007.
3. Степанов В.Н. Провокативный дискурс массовой коммуникации : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2005.
4. Штеба А.А. Конститутивные признаки провокативного коммуникативного поведения // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия : материалы III-й Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.Ю. Меликян. Вып. 3. Ростов н/Д, 2013.
5. Доронина С.В. «Командир! Может, договоримся?»: приемы дискурсивного анализа в лингвистической экспертизе текстов по антикоррупционным делам // Полит. лингвистика. 2015. № 3.
6. Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза коррупционного дискурса: предмет, задачи и компетенции // Вестн. ун-та им. О.Е. Кутафина. 2016. № 8.

УДК 343.98:[340.63:343.148.33]

И.С. Гвоздева, А.Л. Южанинова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПСИХИАТРИЧЕСКИХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ВИДЕ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДОВЕДЕНИЙ ДО САМОУБИЙСТВА

Для определения современных тенденций правоприменительной практики в использовании специальных психиатрических и психологических знаний в виде судебных экспертиз при расследовании преступлений по доведению до самоубийства было проведено исследование текстов судебных приговоров (51), вынесенных за период с 2011 по

2017 гг, результаты о котором были опубликованы на сайте «Судебные и нормативные акты РФ».

Так, в 41 % случаев от общего числа изученных приговоров в качестве доказательства использовались судебно-экспертные заключения психиатров и/или психологов в отношении потерпевших и обвиняемых. То есть почти в половине случаев при расследовании такого рода уголовных дел используются специальные психологические и/или психиатрические знания в виде судебных экспертиз. Полученный результат свидетельствует об актуальности изучения проблемы использования специальных знаний по данной категории дел.

Итак, в результате исследования установлено, что доля судебных экспертиз, проведенных в отношении потерпевших, составляет 76 %, а в отношении обвиняемых – 24 % (χ^2 -критерий = 27,04, что статистически значимо при $df = 1$ и $\alpha = 0,001$). Полученные данные свидетельствуют о стремлении правоохранительных органов использовать специальные знания для определения обстоятельств расследуемого события преимущественно в отношении потерпевших, а не обвиняемых. Полагаем, что выявленная тенденция указывает на недооценку судебно-экспертного подхода в установлении особенностей субъекта преступления при формировании доказательственной базы по делу.

Так, удельный вес судебных экспертиз по всем изученным приговорам был следующим: психиатрические – 21 %, комплексные психолого-психиатрические – 10 %, психологические – 10 %. Такое распределение отличается от равномерного ($\chi^2 = 5,89$ при $\alpha = 0,1$ и $df = 2$), тем самым прослеживается тенденция преимущественного использования психиатрических знаний по сравнению с психологическими или комплексными психолого-психиатрическими при расследовании данной категории дел.

В отношении обвиняемых судебные экспертизы (были судебно-психиатрическими) проводились в 10 % анализируемых случаев, их использование было направлено на определение способностей подэкспертных осознавать суть и общественную опасность собственных действий, а также руководить своими действиями в юридически значимых ситуациях в зависимости от психического расстройства. То есть такие экспертизы назначались для установления судом вменяемости обвиняемых. Судебно-экспертный вывод по результатам всех этих экспертиз был положительным: т. е. обвиняемые по данной категории дел обычно способны правильно осознавать характер оказываемого ими физического или психического воздействия на жертву и предвидеть возможные последствия своих поступков в отношении потерпевших.

Полагаем, что игнорирование в отношении обвиняемых по делам о доведении до самоубийства возможностей современной судебной

экспертологии вообще и психологической экспертологии в частности сужает потенциал доказательственной базы. Так, проведение психологического экспертного исследования могло бы расширить круг сведений об особенностях личности обвиняемого, а также определить мотивационно-целевую составляющую его преступного поведения.

Например, целесообразность проведения психологической экспертизы для установления мотивации оказываемого обвиняемым воздействия на жертву можно усмотреть в случае, когда подсудимый и жертва (девушка, покончившая жизнь самоубийством) были школьного возраста, встречались, но потом девушка прекратила отношения с этим молодым человеком и начала встречаться с другим. Отвергнутый влюбленный распространил личное видео интимного содержания со своим участием и участием погибшей, используя программу Skype, так как «хотел вернуть свою девушку». После ее гибели он также хотел покончить с собой, поскольку очень переживал, что совершенные им действия привели девушку к суициду (по архивам Шумерлинского районного суда Чувашской Республики).

В этом случае судья вынес решение об оправдании подсудимого по ст. 110 УК РФ, основываясь на внутреннем убеждении, что у подсудимого отсутствовали мотив и цель, связанные с доведением до самоубийства. Из изученных нами фактов (51 случай) только по данному делу судьей специально анализировались мотив и цель оказываемого воздействия на потерпевшую. Представляется, что проведение экспертного психологического исследования по установлению мотива оказанного на жертву психического воздействия еще на стадии расследования позволило бы иначе квалифицировать совершенное молодым человеком деяние.

Полагаем, что при расследовании дел данной категории в отношении обвиняемых целесообразно шире использовать судебно-экспертный подход и наряду с судебной психиатрической проводить психологическую экспертизу. При этом возможно также назначение и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, что позволит, с одной стороны, решить суду вопрос о вменяемости обвиняемого (на основании экспертного заключения психиатра), а также определить индивидуально-психологические особенности его личности, специфику ситуации взаимодействия обвиняемого с потерпевшим, главные психологические мотивы деяния, инкриминируемого обвиняемому (компетенция психолога).

Рассмотрим особенности использования специальных психиатрических и психологических знаний в отношении потерпевших по делам о доведении до самоубийства. В литературе содержатся рекомендации,

согласно которым при расследовании такого рода дел возможно назначение судебной комплексной психолого-психиатрической [1, с. 171], а также однородной психологической экспертизы потерпевшего(ей) [2, с. 420–430; 3, с. 284–302; 5, с. 166–172].

Вместе с тем Международная классификация болезней 10-го пересмотра (версия 2018 г.) относит самоубийство и попытку его совершения к подрубке кодов «Преднамеренное самоповреждение». Из этого следует, что судебно-экспертный психиатрический анализ необходим в отношении всех лиц, покончивших жизнь самоубийством.

Проведенное нами исследование текстов судебных приговоров показало, что частота проведенных судебных экспертиз в отношении суицидентов следующая: психологические – 38 %, психиатрические – 31 %, комплексные психолого-психиатрические – 31 %. То есть по данной категории дел в отношении лиц, покончивших жизнь самоубийством, использование специальных психологических знаний в виде судебно-психологических экспертиз происходит так же часто, как и применение в виде судебных экспертиз специальных психиатрических знаний.

При проведении экспертизы суицидента независимо от ее рода (психологическая, психиатрическая, психолого-психиатрическая) в 100 % случаев ею устанавливаются особенности предшествующего суициду психоэмоционального состояния лица и определяется, могло ли это состояние предрасполагать к совершению суицида. Во всех проанализированных случаях экспертный вывод был положительный.

Так, причиной самоубийства могут явиться разные факторы. При наличии данных в материалах дела о признаках психического нездоровья лица, покончившего жизнь самоубийством, в отношении него должны быть назначены посмертные судебная психиатрическая экспертиза или комплексная психолого-психиатрическая экспертиза. Посмертная судебно-психологическая экспертиза назначается только в отношении лиц, чье психическое здоровье не вызывает сомнений или данный факт подтвержден экспертным заключением судебных психиатров. Предпочтительнее, на наш взгляд, назначать комплексную психолого-психиатрическую экспертизу.

Если вывод следователя о самоубийстве носит предположительный характер, то экспертное задание для психологов и/или психиатров, определяющее предметное поле экспертизы, может состоять из следующих вопросов: 1. Каковы были основные индивидуально-психологические (личностные, эмоционально-волевые, мотивационные, интеллектуальные) особенности личности подэкспертного, которые могли существенно повлиять на его поведение в исследуемой ситуации? 2. В каком психическом состоянии находился подэкспертный в период, предшествующий смерти?

В случае, если факт самоубийства не вызывает сомнения, то в экспертное задание для комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы могут входить следующие вопросы: 1. Страдало ли лицо, покончившее самоубийством, психическим расстройством? 2. Если это было так, то могло ли психическое расстройство повлиять на решение суицидента покончить с собой? 3. Если суицидент не страдал психическим расстройством, то было ли его состояние в период, предшествовавший смерти, предрасполагающим к самоубийству? 4. Если его состояние было таковым, то в чем оно проявлялось и чем вызывалось? Первые два вопроса предназначены для экспертов-психиатров, другие два – для экспертов-психологов.

В связи с тем, что поводом для назначения судебно-психологической экспертизы может служить предположение о доведении лица до самоубийства, то в таком случае экспертное задание для психолога дополняется вопросом: «Существует ли причинно-следственная связь между действиями обвиняемого (указать: изнасилование или иные действия, которые квалифицируются следствием как угрозы, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства) и возникновением и развитием психического состояния потерпевшего в период, предшествовавший самоубийству?» [1, с. 292].

В 88 % случаев, проанализированных нами, наряду с установлением состояния, предшествующего суициду, определялась причинно-следственная связь между действиями обвиняемых по доведению до самоубийства и принятием суицидентом решения об уходе из жизни. Экспертный вывод был положительным.

Другим вариантом установления причинно-следственной связи между действиями обвиняемого и суицидом потерпевшего может стать проведение двусторонней судебной психологической экспертизы в отношении как обвиняемого, так и потерпевшего, которая в случае необходимости может быть назначена и проведена после психиатрической экспертизы (экспертиз) и которая, по сути, носит социально-психологический характер и не находится в плоскости медицинской психологии и/или психиатрии. Такой подход позволяет более точно решать вопрос о характере взаимоотношений обвиняемого и потерпевшего, предшествующих суициду, а также оценить роль личностных и ситуативных факторов в поведении суицидента.

В целом проведенный анализ приговоров по делам о доведении до самоубийства показал, что сложившаяся правоприменительная практика использования специальных знаний в виде судебных экспертиз нуждается в совершенствовании, так как в отношении потерпевших недо-

статочно распространено привлечение знаний из области психиатрии, а в отношении обвиняемых – специальных психологических знаний. Таким образом, при осуществлении судопроизводства по данной категории дел в отношении потерпевших целесообразно усилить психиатрический аспект судебно-экспертного исследования, а обвиняемых – психологический.

1. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе : науч.-практ. пособие. М., 1998.
2. Енгальчев В.Ф. Посмертная судебно-психологическая экспертиза // Прикладная юридическая психология : учеб. пособие для вузов / под ред. А.М. Столяренко. М., 2001.
3. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза : учебник для академического бакалавриата. М., 2014.
4. Ситковская О.Д. Аффект: Криминально-психологическое исследование. М., 2001.

УДК 340.6

А.О. Гусенцов, Е.М. Кильдюшов, Э.В. Туманов

ВЛИЯНИЕ ПРЕГРАДЫ НА ХАРАКТЕРИСТИКУ ОГНЕСТРЕЛЬНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ В РЕЗУЛЬТАТЕ ВЫСТРЕЛА ИЗ ГЛАДКОСТВОЛЬНОГО ОРУЖИЯ И ПОСЛЕДУЮЩЕГО РИКОШЕТА ПУЛИ И ДРОБИ

К настоящему времени в судебно-медицинской травматологии наряду с общими вопросами экспертизы огнестрельных повреждений проводилось изучение отдельных их видов, в частности возникающих после взаимодействия огнестрельного снаряда с преградой. Следует отметить, что некоторые аспекты запреградной огнестрельной травмы изучены далеко не в полной мере, что предопределяет необходимость проведения дальнейших исследований, в частности, закономерностей формирования огнестрельных повреждений, образовавшихся в результате выстрела из нарезного и гладкоствольного оружия и последующего рикошета пули и дроби, их характеристики и особенностей в зависимости от параметров взаимодействия пули с преградой и ее вида [1].

Как известно, в результате рикошета от поверхности преграды возможно изменение первоначальной траектории и скорости полета пули, возникновение как множественных повреждений (в результате фрагмен-